

ДИАЛЕКТИКА СОЗНАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается диалектический подход к пониманию проблемы сознания в коммуникативном процессе. Автор соотносит сознание с коммуникацией, при этом обращает внимание на онтологическое основание явления, но не на его социальный аспект. Историческое развитие сознания, равно как и метаморфозы коммуникации, затрагивают все стороны человеческой жизни. Развитие технологий, в том числе интернета, ставит перед философами новые проблемы, для решения которых могут быть актуальны «старые» подходы (в частности, диалектические).

Ключевые слова: диалектика, сознание, коммуникация, сеть.

Сознание и метаморфозы коммуникативного процесса

Под диалектикой мы понимаем критическое самосознание. А если мы говорим о сознании, то, безусловно, подразумеваем процесс, контролируемый субъектом. Если субъект теряет контроль и саму возможность критического осмысления сущего, то мы можем использовать понятие «машинное сознание». Либо, соблюдая научную и методологическую строгость, заявить о наличии «автоматического субъекта». Здесь мы понимаем сознание не как ментальный опыт или психическое состояние, но как онтологическую структуру, наделенную соответствующими атрибутами и отношениями, выражаемыми как конкретно, так и абстрактно.

В последнее время сознание трактуется как коммуникативный процесс, возможность речевого акта между людьми. Это позволяет многим философам говорить о сознании как о социальном отношении, впадающем в зависимость от контекста. Мы отмечаем, что контекст переживает эволюцию вместе с прочими объектами сущего. Речевой акт древности породил свой текст, иероглифический, письменный, и имел характерные черты коммуникации, данные нам в памятниках и артефактах сознания древности. С изобретением печатного станка Гуттенбергом в 15 веке, изменился речевой акт, и контекст изменил представление о знании, духовности и сознании в частности. И если современники Гуттенберга возмущались тем, что с тех пор, как он изобрел печатный станок, молодежь пошла не та (уткнулся в книгу – никакой духовности), то спустя век эмпирики утверждали, что чтение делает человека знающим, беседа находчивым, а привычка записывать точным. В конце 20 столетия мы стали свидетелем

лями новой «Гуттенберговой революции» – изобретение интернета как массового инструмента обратной и свободной коммуникации. Интернет породил гипертекст, а вместе с тем и новое сознание – машинное. Слова о чтении, беседе и письме, актуальные для 16 века, если и не потерялись в огромном массиве информации, то утратили истинность. Благодаря современным социальным медиа, средствам обратной коммуникации, современный человек каждый день читает множество блогов, беседует с десятками друзей из социальных сетей, и записывает свои мысли в интернет-дневник. Но становится ли он от этого знающим, находчивым и точным? Вопрос риторический. Вспоминаются слова философа Ортега-и-Гассета, точно охарактеризовавшего современного человека еще полстолетия тому назад: «в душе он не догадывается об искусственной, почти неправдоподобной природе цивилизации, и его восхищение техникой отнюдь не простирается на те основы, которым он обязан этой техникой» [5, с. 78]. Парадокс современности состоит в том, что чем сложнее и эффективнее становятся средства коммуникации, тем примитивнее становятся их пользователи. И уже они напоминают машины, предназначенные лишь для распространения информации – без осмысления и самосознания. Человеческими массами овладевают иллюзии – ложные восприятие окружающей действительности, следствием которого является ложное представление о своем месте в данной действительности.

Диалектика как критическое самосознание дает нам в руки инструмент для разрушения иллюзий. Рассматривая такие противоречия, как приватность и публичность (Хабермас), правдоподобие (истина лишь идея сознания) и заб-

луждение (Поппер), а также множество прочих парадоксов, связанных с коммуникацией и процессом познания, мы получаем возможность осмыслить реальные основания сущего, найти «свою» онтологию, без которой в сложившийся социальной ситуации (контексте) нельзя рассчитывать на успех в познании как таковом.

В середине 20 века у философов еще сохранялась надежда на реванш человека против массы и машин. Тот же Ортега-и-Гассет писал: «остается единственный выход – произвольно сконструировать реальность, определенный и предположительный порядок вещей. Так мы получим схему, то есть идею или систему идей. Затем мы прикладываем ее, словно координатную сетку, к живой действительности, и тогда, только тогда, получаем об этой действительности приближенное представление» [5, с. 122]. Сейчас «сетка» строится массами самостоятельно согласно законам и принципам машинного сознания. Одной из задач современной философии является возвращение субъекту контроля над контекстом. Успех познания коренится в понимании, что представлений приближенных к действительности бесконечно много. И в тот момент, когда представление становится мнением, необходимо диалектическое противоречие, предупреждающее заблуждение.

Одновременно с появлением Интернета назрел кризис философии. Заметным результатом «устаревания» академической философии стала мысль постмодерна. Неприятие «картезианского субъекта», провозглашение «смерти автора», и материализация желания в потребительском процессе – вот некоторые черты дискурса постмодерна. Это, конечно, не чистая философия, однако концепты постмодернистов могут быть весьма полезны в таких разделах философии, как онтология и теория познания. Несмотря на то, что их создатели не видели в них (как и во всей философии) смысла, и искали актуальность своих идей в социальной практике.

Современные средства коммуникации и кризис сознания

Один из таких концептов мы разберем подробнее. В своей работе «Машинное бессознательное» французский психоаналитик Феликс Гваттари представляет нам один из вариантов бессознательного. «Бессознательное» не научный термин, тем не менее, мы его будем исполь-

зовать. Однако под «машинным бессознательным» мы подразумеваем именно сознание – «машинное сознание».

Постмодерн реформировал фрейдизм – Лакан и его последователи полагали, что бессознательное структурируется как язык, но не как повседневный, а скорее, как математический. Для Гваттари это «нечто разбросанное почти везде вокруг нас не только в жестах, повседневных предметах, но и на телевидении, в атмосфере самого времени и даже, а может быть и особенно, в великих проблемах времени» [3, с. 58]. То, что в конце XX столетия ярче всего отражалось философским дискурсом, являлось теми глобальными переменами цивилизации, результатом которых мы в полной мере ощущаем сейчас. Сейчас бессознательное также разбросано в интернете, а проблема выбора сконцентрировалась в сфере потребления, в том числе потребления информации. Значимость, да и знаковость процесса общественного потребления превалирует над прочими процессами. Политическая и духовная сфера превратились в придаток потребительской сферы, где до всего есть желание, и всему – удовлетворение.

Гваттари полагает, что бессознательное «наполнено не только образами и словами, но также всевозможными машинизмами, которые его приводят к производству и воспроизведению этих образов и слов» [3, с. 58]. Здесь, как нельзя кстати, понятие «машинизм» подходит к принципу участия пользователя в социальных медиа (сетях). Далее Гваттари, сам того не подозревая, онтологизирует проблему «машинного бессознательного», позволяя нам говорить о нем, как о сознании: «абстрактные, детерриториализированные взаимодействия, или, более коротко, эти абстрактные машины [machinesabstraites], пронизывают различные уровни реальности, создают и разрушают стратификации. Они зацепляются не за единое, универсальное время, но за план плотности [plandeconsistence], транспространственный и трансвременной, который определяет им относительный коэффициент существования» [3, с. 59]. Данными взаимодействиями характеризуется виртуальная социальная реальность, ставшая атрибутом социального бытия – общества потребления. Как же именно происходит «социализация» машинизма? В единстве с процессом «машинизации» социальной (коллективной) среды: «коллектив-

ное устройство высказывания [enunciation] говорит «прямо из» порядка вещей, состояния дел и субъективных состояний» [3, с. 60]. Мы полагаем, что данное единство выражено в перформативе, в речевом акте, равноценном поступку. В классической лингвистике перформатив только лишь клятва и обещание, то, что действует в обществе, где существует институт субординации, опирающийся на социальные конвенции. «Автоматический» субъект делает перформатив возможным без субординации и конвенции. Гваттари указывал, что «сцепления возможны лишь в точках, в которых абстрактные механизмы и конкретные устройства, датированные и расположенные, делают возможным сцепление со своей детерриториализацией». Теперь «сцепления» только и возможны там, где тело и его «гаджет» встречаются, где речь становится поступком, коммуникация равна сознанию, а бытие определено сетью.

«Человечный» философ Людвиг Витгенштейн на заре информационной эры убеждал окружающих, что нечто, отражающее себя в языке, язык выразить не способен – «пропозиция может лишь сказать то, как существует вещь, но не что она такое» [2, с. 64]. Витгенштейн мыслит о языке человека, семантика сети нивелирует проблему понимания субъекта, автоматического субъекта.

Современность и сознание: проблема идентификации

Один из героев Воннегута говорил: «компьютеры строят не для знаний, а для дружеских чувств». Глубокая мысль литератора нашла подтверждение в эпоху расцвета информационных технологий. Редкий пользователь стремится в сеть за знаниями и философскими смыслами. И что характерно, терминология «всемирной паутины» позаимствована у «старой» философии.

В развитии «всемирной паутины» в последнее время ярко обозначилась семантическая компонента. Так называемая «семантическая паутина» призвана сделать осмысленную обработку информации возможной для машины. В привычной паутине (машинном сознании) для понимания информации и последующей ее обработки необходим «живой» субъект, включенный в контекст. В семантической же паутине (машинное суперсознание) текст представ-

лен в виде семантической сети, являющейся моделью предметной области (реальностью в контексте) с разными объектами и связями между ними, что имеют всеобъемлющую формализацию в виде онтологий. Слово «онтологии» здесь употреблено как понятие информатики. Однако стоит говорить еще и об онтологической структуре в философском смысле. Напомним, именно так мы и понимаем сознание.

Какова структура современного сознания, становящегося машинным? Здесь мы возвращаемся к Декарту, определявшему человека как машину «освященную» Духом, и замечаем, что ницшеанская «смерть Бога», постмодернистская «смерть автора» тождественна «смерти Духа» и картезианского субъекта. Все едино, отвечаем мы, и человек, и автомат. Структура онтологии машинного сознания традиционна – это сеть данных, состоящая из объектов и связей. Объекты делятся на конкретные (люди и тела, числа и слова), абстрактные (понятия конкретных объектов), атрибуты (свойства сущности субстанции) и отношения (зависимости одного объекта от другого). В семантической сети высшая онтология получает прикладное значение и позволяет нам с чисто диалектических позиций рассмотреть сознание как коммуникацию, через которую чистое бытие социализируется в виде современной связи: человек – машина – люди – машины.

Исследование семантических сетей, гипертекста, и их философское осмысление невозможно без рациональной диалектики, что «начинается с трезвой и острой фиксации реальных противоречий жизни, мира, внутри которого живет человек – существо, наделенное, в отличии от окружающего его мира, сознанием и волей. Сознанием противоречий и волей с ними справиться» [4, с. 69]. Где заканчивается наше произвольное сознание и начинается противопоставленное ему машинное сознание? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обращаемся к Аристотелю, не имевшему понятия о сложных сетях, перформативах и интернете, но заложившего основы метода их постижения сегодня.

Поиск выхода из кризиса сознания

В своем трактате «Тописка» Аристотель писал: «умозаключение есть речь, в которой если нечто предложено, то через положенное из

него с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного» [1, с. 349]. Очевидная для сегодняшнего дня мысль, актуальна не столько для коммуникации между людьми, сколько для массовой коммуникации, определенной машинизмами. Здесь пригождается понятие «мем» – единица информации, способная реплицироваться независимо от источника, и распространяться благодаря «мутации» смысла. Многие религиозные и политические мемы распространяются в блогосфере и социальных сетях, и этот процесс противоречит логике здравого смысла, присущей человеку. Более того, люди в массе своей, становятся приложением для вирусного распространения информации и мемов. Это обеспечивается необходимостью автоматического субъекта.

Аристотель указывает: «диалектическое же умозаключение – это то, которое строится из правдоподобных [положений]», а «правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству людей или мудрым» [1, с. 349]. Здесь Аристотель задолго до Фуко развивает идею дискурса, только с тем лишь отличием, что находит человеческое разумение одной из основных причин определения правдоподобия большинством. Как показывает социальная практика, данный процесс становится все более стихийным и алогичным относительно человеческого сознания. Тем не менее «Топика» наталкивает нас на мысль о том, что автоматический субъект, чьи субстанциональные основания находятся в онтологической структуре (сети) так же, как и человеческое (произвольное) сознание, подвержен сбою – принятию иллюзии за правдоподобие. Эристические умозаключения тождественны иллюзиям. Собственное делится на суть (бытия), оно обозначает его определение, и части (предикаблии) – классы определительности сказуемых (речевых актов). Они могут быть взаимозаменяемыми и невзаимозаменяемыми, существенными и несущественными. Аристотель определяет: «собственное – это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней» [1, с. 353]. Например, способность читать, писать, беседовать – проводить коммуникацию, быть осознанным. «Род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]»

[1, с. 354] – то, что очевидно. Диалектическое положение и проблема – не то, что очевидно.

Все формы мыслящего познания объединяются в категории и классы. Аристотель в «Топике» пишет о наличии у понятий различных качеств, являющихся основами для распределений понятий в классы. Аристотель, и здесь мы с ним едины во мнении, был уверен в наличии бесконечного числа понятий. Очевидно и бесконечное число классов, объединяющих понятия. Для выделения бесконечного числа классов необходимо бесконечное число различных качеств, наличие которых Аристотель подвергает сомнению.

Станет ли это критическим моментом для семантической сети и машинного суперсознания – вопрос. Естественный интеллект, посредством той же диалектики, имеет возможность выбирать. Здесь мы используем понятие «свободная воля» – одно из бесконечного числа понятий, но всегда близкое отдельному человеку.

Машинное сознание также удалено от постижения абсолютной истины, как и человеческое. Но структура автоматического субъекта, отсутствие «сентиментальности», и всеобъемлющий характер применения перфоматива в социальной практике более опасны и губительны, как для всего общества, так и для отдельной личности. Здесь нет места научно-фантастическим сюжетам о «восстании машин» и «жизни в Матрице». Мы имеем дело с абсолютно реальной проблемой сохранения человека – осмысленного и осознанного существа, наделенного моралью, ценностями и волей.

Диалектическое противоречие «живого», здравого смысла и машинизма, возможное вследствие трансформации субъекта, должно рассматриваться философами наравне с такими противоречиями, как правдоподобие и заблуждение, приватность и публичность. Как в свое время языковые игры выступили в виде «лекарства» от лингвистической неясности языка, так и древняя диалектика (испытанный тысячелетиями инструмент разума) призвано вновь тренировать человеческое сознание, которое идеалисты порой называют душой. И здесь можно забыть о «борьбе философских партий» и сойтись на том, что говоря о машинном сознании, нельзя говорить о душе машины.

15.01.2013

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т. 2. – Москва: Мысль, 1978. – 687 с. – (Философское наследие).
2. Витгенштейн, Людвиг Избранные работы / Л. Витгенштейн. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
3. Гваттари, Феликс Машинное бессознательное / Ф. Гваттари // Архетип: философский психоаналитический журнал. – 1995. – №1. – С. 58–65.
4. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – Москва: Политиздат, 1991. – 464 с. – (Мыслители XX века).
5. Ортега-и-Гассет, Хосе Восстание Масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Издательство АСТ, 2002. – 506 с.

Сведения об авторе:

Лазаров Сергей Атанасов, преподаватель кафедры философии науки и социологии
Оренбургского государственного университета.

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2552, тел. (3532) 372585, e-mail: serj-lazar@yandex.ru

UDC 1:316:77:004

Lazarov S.A.

Orenburg state university, e-mail: serj-lazar@yandex.ru

DIALECTICS CONSCIOUSNESS IN THE COMMUNICATIVE PROCESS

The article considered the dialectical approach to understanding the problem of consciousness in the communicative process. Author examines the consciousness and communicative process, while paying attention to the ontological basis of the phenomenon, but not its social aspect. Historical development of consciousness, as well as the metamorphosis of communication, affect all aspects of human life. Development of technologies, including the Internet, poses new problem which can be solved by «old» approaches (eg, dialectical).

Key words: dialectic, consciousness, communication, net.

Bibliography:

1. Aristotle. Works in 4 volumes. V. 2. – Moscow: Mysl, 1978. – 687 p. – (Philosophical Heritage).
2. Ludwig Wittgenstein. Selected works. – Moscow: Publishing House «The territory of the Future», 2005. – 440 p.
3. Guattari, Felix Machinery unconscious / F. Guattari // Archetype: philosophical psychoanalytic journal. – 1995. – №1. – P. 58–65.
4. Ilyenkov, E. V. Philosophy and culture / E. V. Ilyenkov. – Moscow: Politizdat, 1991. – 464 p. – (The thinkers of the twentieth century).
5. Ortega y Gasset Jose. Revolt of the Masses / J. Ortega y Gasset. – Moscow: AST Publishing, 2002. – 506 p.